

Джордж Райт

Решение

В жизни каждой замужней женщины наступает момент, когда она думает о разводе.

Во всяком случае, Элайза считала именно так. Просто не во всех случаях эта мысль доводится до логического конца. У кого-то она остается лишь мимолетной реакцией раздражения и проходит вместе с очередной ссорой. Кому-то просто не хватает духа изменить привычный уклад жизни, каким бы тоскливым (а в иных случаях и по-настоящему ужасным) он ни был. Но рано или поздно такая мысль посещает всех.

Когда эта мысль посетила ее саму - или, точнее, впервые ясно оформилась в ее сознании - это не было результатом ссоры (ссоры у них, конечно, случались, как и у всякой семейной пары, но ничего катастрофического) или, тем паче, измены (кто угодно, только не Николас!) Просто однажды утром, глядя на ритмичные движения его челюстей, пережевывающих приготовленный ею завтрак, Элайза сказала себе: "Я не понимаю, почему я до сих пор с этим человеком."

Возможно, дело было всего лишь в том, что ей чертовски хотелось спать, в груди стояла обычная в таких случаях утренняя тошнота, и запах жареного бекона с кетчупом вызывал не аппетит, а отвращение. Элайза всю жизнь была "совой" и чувствовала себя зомби, если ей приходилось вставать раньше полудня. Она говорила полшутя, полусерьезно, что выбрала профессию художницы именно потому, что та не требовала рано вставать (зато ей отлично работалось по ночам, в тишине и полумраке, когда ничто не отвлекает и лишь круг света от лампы падает на бумагу). Тем не менее, практически каждое утро их брака, за исключением выходных и ночных дежурств Николаса, она выползала из кровати в семь часов, чтобы приготовить ему завтрак и проводить на службу. Когда он уходил, она уползала обратно в спальню и плюхалась на кровать досыпать. Николас никогда не настаивал на этом ритуале и даже говорил несколько раз, что и сам может поджарить себе пару тостов, но Элайза расценивала это как свою обязанность. В первую очередь потому, что кулинарные способности Николаса и в самом деле ограничивались тостами и попкорном - и то только потому, что на их микроволновке была специальная кнопка "Попкорн". Если бы ему пришлось настраивать режим самому, он бы, вероятно, сумел сжечь и попкорн. Удивительно, как человек может быть профессионалом высокого класса на службе и при этом совершенно беспомощным в куда более простых бытовых вещах.

И все же прежде Элайзу это не раздражало. Возможно, тогда ей даже было приятно, что она может быть ему полезной. И если некая вещь, не вызывавшая раздражение у вас прежде, вдруг начинает напрягать - дело вовсе не в этой вещи. Это всего лишь следствие, а не причина.

Вообще-то Элайза никогда не сказала бы, что любила Николаса. Во всяком случае, не в том смысле, в каком это слово употребляют в книгах и фильмах. Никаких бурных страстей. Таковых в ее жизни вообще не было, что ее полностью устраивало. Секс ее вообще не интересовал, а поцелуи вызывали скорее брезгливость. В старших классах ее отношения с парнями не заходили дальше нескольких походов в кино; как только же те, после сеанса или прямо во время такового, начинали демонстрировать менее невинные намерения, Элайза обзывала их маньяками и уходила прочь. Чистой дружбы не получилось ни с одним из них - даже с теми, кто изначально заверял, что хочет именно этого. Впоследствии Элайза вовсе старалась держаться подальше от мужчин - как и от людей вообще. Она не то чтобы активно не любила или боялась их, а просто не чувствовала в них никакой нужды. Ей было гораздо уютнее и спокойнее одной, в полутемной комнате, с персонажами ее собственных рисунков, обитавшими в причудливых фантастических мирах.

Увы, эти миры были, должно быть, слишком причудливыми, чтобы иметь коммерческий успех. Во внешнем мире Элайза была известна как Алекс Стронгарм - автор комиксов о крутом

копе Джастине Хаммере, наводящем порядок на кишаших криминалом улицах вымышленного мегаполиса Нью Ланкастер, под сенью небоскребов коего скрывались, кажется, все человеческие пороки. Свой первый графический роман о Хаммере Элайза нарисовала исключительно ради заработка, отчаявшись заинтересовать издателей более симпатичными ей персонажами. Однако впоследствии привыкла и даже прониклась некоторой симпатией к прославившему ее (то есть не ее, а Стронгарма) герою. В конце концов, ей и самой порой хотелось крушить зло и несправедливость столь же решительными и радикальными способами, пусть и не всегда соответствовавшими букве закона, зато помогавшими восторжествовать его духу.

В 29 лет Элайза по-прежнему жила одна в маленькой съемной квартире на окраине тихого пригорода (на свои гонорары она уже могла бы позволить себе купить собственное жилье, но не видела в этом смысла) и оставалась девственницей, что ее опять-таки совершенно устраивало. Иногда она усмехалась про себя, обнаруживая среди е-мэйла, приходившего на официальный адрес Алекса Стронгарма, письма от поклонниц (некоторые - с откровенными фотографиями), жаждавших познакомиться с создателем Джастина Хаммера и, очевидно, полагавших, что автор - такой же крутой парень, как и его герой. Иногда ей писали доморощенные психологи, утверждавшие, что, наоборот, в образе Хаммера автор воплотил все свои комплексы хилого очкарика-"ботана", в реальной жизни боящегося высунуть нос из дома (одному из таких Элайза, не удержавшись, ответила и посоветовала посмотреться в зеркало, ибо только закомплексованный неудачник станет специально тратить время, чтобы написать гадость человеку успешному и популярному). Впрочем, после того, как прошла первая эйфория, вызванная неожиданной для нее самой популярностью ее графических романов, Элайза чаще всего отправляла письма читателей в корзину, не читая - или, максимум, ограничиваясь первой парой строк, из которых уже было ясно все остальное.

Но одно из таких писем все же привлекло ее внимание.

"Мистер Стронгарм, недавно мне попался на глаза ваш графический роман "Джастин Хаммер: Русская рулетка". Вы хороший художник, но вы совершенно не разбираетесь в матчасти. В частности, на стр. 17, 3 рисунок сверху, у вас русский гангстер стреляет с двух рук из "Макарова". Оставим вопрос, зачем русской мафии импортировать в Америку этот весьма посредственный пистолет, если здесь в любом оружейном магазине можно купить куда более эффективную пушку. Но главное - если бы ваш бандит держал оружие так, как вы нарисовали, ему перебило бы палец обратным ходом кожуха-затвора при выстреле. Далее, стр. 19, в самом низу. Гильзы из "Калашникова" у вас летят очень живописно, но, к сожалению, не в ту сторону. Возможно, вы перепутали автомат Калашникова с пулеметом Калашникова, у которого гильзы действительно летят влево. Далее, ДНК-экспертиза единственного волоса не может служить определяющим доказательством в суде. Во-первых, ядерная ДНК содержится лишь в корнях волос, поэтому волос должен быть вырванным, а не срезанным, как у вас. Во-вторых, даже в этом случае для гарантированной идентификации требуется как минимум 5 волос. Далее..."

Элайза читала и чувствовала, как копится в ней досада и раздражение. С одной стороны, критик был, по всей видимости, прав, и это было тем обиднее, что она как раз подходила к своей работе ответственно (что ей вообще было свойственно, даже когда она понимала, что рисует всего-навсего развлекательный комикс, а не шедевр мирового искусства). Она могла изобразить некие усредненные пистолеты и автоматы, и никто бы ей слова не сказал. Но она специально искала в интернете фото русского оружия, чтобы изобразить его во всех узнаваемых подробностях! Кто же знал, как там во время стрельбы ходит затвор и куда летят гильзы?! С другой стороны, все это были совершенно мелкие придирки, никак не влияющие на сюжет. Даже с волосом - переделка одного срезанного в пять вырванных не потребовала бы существенной сюжетной правки. Такое впечатление, что этот парень цепляется к ней лишь затем, чтобы продемонстрировать свое превосходство, а вовсе не из любви к истине! Унизить ее, как те

придурки, писавшие, что она - страдающий агорафобией хилак-"ботан"! И кроме того, он зря возомнил себя таким крутым мистером Всезнайкой. Может, он и смыслит кое-что в оружии, но в графических романах он не понимает ничего! На самом деле единичный рисунок в комиксах - это не стоп-кадр. В этом кадре развивается действие, которое может занимать несколько секунд, и развивается оно, в западной традиции, слева направо (в японской - наоборот). Скажем, в рамках одного кадра персонажи могут обмениваться репликами, и слева будет вопрос, а справа - ответ. Соответственно, сначала Хаммер, выбивая дверь ногой, врывается в помещение склада (слева), а потом бандит начинает в него стрелять (справа). А раз бандит может стрелять только справа, он повернут к зрителю левым боком, и гильзы, живописно летящие в сторону зрителя, должны лететь влево, и никак иначе. Иначе никакой живописности не получится, и зритель не прочувствует накала и динамизма сцены. Правда искусства в данном случае важнее правды технической документации!

Письмо перечисляло еще несколько подобных мелких ошибок и заканчивалось - даже без всякого "с уважением" или "с наилучшими пожеланиями" - подписью "Детектив Николас Кейдж". Угу, усмехнулась Элайза, почему не Чак Норрис. Намекает на свое понимание, что "Алекс Стронгарм" - тоже псевдоним? Да плевать, на что он намекает! Ее первым поползновением было просто удалить письмо. Вторым - все-таки она не могла не признать обоснованности замечаний - было желание холодно и кратко ответить, что она, то есть Алекс Стронгарм, благодарит мистера Кейджа за интерес к своему творчеству, но рисует графические романы, а не учебники для полицейских подразделений, и определенные условности (на которые все равно обратит внимание лишь один читатель из тысячи) вполне оправданы жанром.

Но, подумав еще немного, она приняла третье решение. Перфекционист в ней победил обидчивого творца. Этот самый "Кейдж", конечно, мог оказаться таким же детективом, как и Кейджем, но, похоже, в оружии и всяких полицейских тонкостях он и в самом деле разбирался неплохо. А ей совсем не помешает грамотный консультант, который помог бы впредь избегать подобных ляпов. Никаких знакомых полицейских или военных - и даже охотников - у нее не было. Обычно Элайза предпочитала общаться с интернетом, а не с живыми людьми. Но не на всякий вопрос можно найти ответ на "гугле"... точнее, может, и можно, но для этого надо хорошо знать, что именно спрашивать. Например - что надо искать фото оружия не только в обычном состоянии, но и в момент выстрела, и все такое прочее. Идти просить помощи на какой-нибудь форум, где общаются профессионалы, Элайза бы постеснялась. Уж точно не в качестве Стронгарма, который расписался бы тем самым в своей некомпетентности (а как еще спросишь, правильно ли нарисовано, если не демонстрировать сами рисунки и не рассказывать сюжет?) Но раз уж этот парень первым вступил с ней в переписку - что ж, почему бы этим не воспользоваться? Ему, похоже, нравится поучать и не жалко на это времени - а она способна для пользы дела немного приструнить свою гордость.

Так что Элайза написала вежливое - не формально вежливое, а по-настоящему дружелюбное - письмо, в котором поблагодарила за конструктивную критику (но и рассказала о причине, по которой гильзы летели не в ту сторону) и попросила разрешения обращаться за консультациями, которые как раз пригодятся ей в работе над очередным графическим романом. Кейдж ответил неожиданно быстро, сделал ей (т.е. "ему") своеобразный комплимент - мол, никак не ожидал ответа, ибо немногие популярные авторы вообще отвечают читателям и уж тем более признают свои ошибки - и выразил готовность помогать советами. При этом он признался, что сам не поклонник комиксов - "просто решил посмотреть, что такое читает мой сын" - и может не знать тонкостей жанра, но зато в оружии и прочих полицейских делах кое-что смыслит, проработав в Департаменте полиции Чикаго уже пятнадцать лет.

"Чикаго, надо же!" - подумала тогда Элайза; выходило, что ее суровый, но справедливый критик, который мог оказаться откуда угодно, хоть с Аляски, работает (и, вероятно, живет) в какой-нибудь паре десятков миль от нее. Впрочем, на тот момент это ничего не значило. Она не

планировала встречаться с ним лично, раскрывая инкогнито "Стронгарма".

Однако после того, как они обменялись несколькими письмами, Элайза все же решилась на это. При удаленном общении оставалась все та же проблема, что и с поиском в интернете - чтобы получить правильный ответ, надо задать правильный вопрос, а чтобы задать правильный вопрос, надо уже знать половину ответа. То есть тех вопросов, которые приходили в голову ей самой, было недостаточно - надо было показать специалисту уже почти готовый графический роман целиком и выслушать его комментарии. А отсылать будущий бестселлер человеку, даже настоящего имени которого она не знает, в отсканированном виде электронной почтой было бы, конечно, весьма опрометчиво с точки зрения защиты ее авторских прав. Кейдж должен увидеть эти рисунки только из ее рук.

Впрочем... эта причина была веской, но не единственной. К тому времени Элайзе уже и самой хотелось встретиться со своим консультантом вживую. Ну хотя бы для того, чтобы полюбоваться, как отвиснет челюсть самоуверенного детектива, когда он увидит истинное лицо "Алекса Стронгарма".

Она предложила ему встретиться в его ближайший выходной, пообещав заказать столик в ресторане в качестве компенсации потраченного им времени. Он согласился и прислал свою фотографию, дабы "Стронгарм" мог его узнать. Элайза некоторое время рассматривала фото крепко сбитого мужчины под сорок в парадной униформе. У него было такое типичное военное или полицейское лицо - с короткой стрижкой, жесткой щеточкой усов и сосредоточенным выражением. Не сказать, что красавец, но и не урод, конечно. И абсолютно, кстати, не похожий на Николаса Кейджа. С таким человеком, подумала Элайза, вряд ли захочется обсуждать поэзию или то же изобразительное искусство (вне пределов темы точности изображения деталей оружия и амуниции), но его хочется иметь на своей стороне. Ибо, если он примет на себя ответственность за тебя, то будет ее нести, несмотря ни на что. Возможно, гм - несмотря даже на твое собственное желание...

Свое фото она ему, естественно, не послала. Лишь сказала, чтобы он назвал свое имя официанту, и его проводят за столик.

Она собиралась приехать заранее и понаблюдать из машины, как Кейдж прибудет и войдет внутрь - чтобы самой появиться минут через пять - но, привычная к жизни в своем тихом пригороде, откуда почти не выбиралась, не учла чикагских пробок и в итоге не только не прибыла с запасом, но и вместо запланированных пяти минут опоздала на все пятнадцать. Его телефон она не спросила - даже если бы она ограничилась SMS, не выдавая себя голосом, он бы узнал ее номер, а это в ее планы пока что не входило. Оставалось лишь надеяться, что пунктуальный полицейский дождется непунктуального художника. В конце концов, не каждый день тебя угощают ужином авторы бестселлеров.

Она увидела его почти сразу же от входа. Он сидел за столиком в дальнем углу лицом к входу и, казалось, изучал раскрытое на столе меню, но на самом деле - Элайза в этом не сомневалась - следил за каждым, входящим в зал. И, вероятно, уже заметил большую картонную папку у нее в руке. Элайза направилась напрямик к нему.

- Мистер Кейдж?

- Мистер Стронгарм? - осведомился он в ответ с легкой усмешкой.

Элайза опустила на стул напротив.

- Вы не выглядите удивленным, - заметила она.

- Я предполагал, что вы женщина, - невозмутимо ответил он.

- На чем я прокололась на этот раз? Неправильно изобразила какую-то деталь мужского туалета?

- В том, что Алекс Стронгарм - это псевдоним, я практически не сомневался с самого начала. Но все-таки пробил это имя по базе... воспользовался служебным положением, - он вновь усмехнулся. - Люди с таким именем есть, но их профили не соответствуют вашему. Но

главное - нигде в интернете не существует ваших изображений. Вы никогда не проводили автограф-сессий и прочих встреч с поклонниками. Стало быть, вы очень не хотите, чтобы кто-либо узнал, как вы выглядите. Основных вариантов тут три. Или вы просто очень стеснительный человек, не желающий чтобы вас узнавали на улицах, но это вряд ли. Комиксы все же - довольно специфический жанр, особенно в наше время, когда есть ТВ и компьютерные игры. У вас есть свои фанаты, но это не тот уровень популярности, когда человека узнают на улицах и преследуют папарацци.

- Спасибо, - едко заметила Элайза.

- Или же, - продолжал Кейдж, - за псевдонимом скрывается некая известная - или надеющаяся стать известной - личность, не желающая дискредитировать себя работой в низком развлекательном жанре. Такие снобы, впрочем, в наше время тоже редкость. Или, наконец, вы женщина. Впрочем, третий вариант может сочетаться со вторым. И в этом случае, вероятно, существуют и другие ваши работы. Опубликованные под собственным именем. Которые не связаны с Джастином Хаммером, но которые, тем не менее, можно распознать по сходству стиля. Я не разбираюсь в стилях живописи. Но в них разбираются алгоритмы поисковых систем. Достаточно было вбить в компьютер несколько характерных фрагментов из ваших комиксов и запустить поиск похожего. Из результатов я выбрал то, что показалось мне наиболее вероятным. Элайза Лес... - он сбился. - Черт, специально учил...

- Leszczynska, - подсказала Элайза. - Это польская фамилия. Только пишется сложно, а произнести довольно легко. В середине как сочетание "ш" и "ч".

- Лешчинска, - подхватил Кейдж. - 29 лет, не замужем, проживает в пригороде Чикаго. На сей раз никакого доступа к полицейским базам данных. Всю эту информацию можно почерпнуть из ваших аккаунтов в социальных сетях.

- И как давно вы меня вычислили? - мрачно осведомилась Элайза. - Еще до того, как отправили первое письмо?

- Нет, - качнул головой он. - Тогда бы я еще не стал тратить на это время. Но теперь мне стало интересно, кто же все-таки пригласил меня на свидание.

- Это не свидание! - возмущенно произнесла Элайза, выдвигая на середину стола папку с рисунками. - Это чисто деловая встреча.

- Я это и имел в виду, - невозмутимо кивнул Кейдж.

Подошел официант, поприветствовал Элайзу и протянул ей экземпляр меню, а затем спросил у Кейджа, сделал ли он уже выбор. "Мы выберем вместе", - ответил тот.

- Почему бы и вам не назвать уже ваше настоящее имя? - хмуро произнесла Элайза, когда официант отошел.

Ее собеседник вздохнул и протянул ей полицейский значок. "Николас Кейдж", - прочитала Элайза.

- У вас есть второе имя? - осведомилась она.

- Фрэнсис, - поморщился Кейдж. Похоже, это имя ему не нравилось, и все же Элайза спросила:

- Почему бы вам не использовать его?

- А с какой стати? - произнес он раздраженно. - Только потому, что то же имя носит какой-то паяц, которому платят миллионы только за то, что он кривляется перед камерой, пока люди с куда меньшими зарплатами рискуют жизнью, защищая его задницу и его деньги от преступников? Кстати, в отличие от меня, у него это даже не настоящая фамилия! Почему бы вам не сменить свою, между прочим? Я сомневаюсь, что хоть кто-то в Америке в состоянии произнести ее с первой попытки!

- Правильно сомневаетесь, - кивнула Элайза. - На моей памяти - никто. Всегда приходится объяснять по буквам. И я сама ни слова не знаю по-польски, если не считать все той же фамилии. Поляком был мой дед, семья которого бежала от коммунистов в конце Второй

мировой... Но, видите ли, Лещинские - это древний княжеский род. Даже королевский. Из этого рода происходил король Станислав, а его дочь была королевой Франции, женой Луи XV. Но этот род давно пресекся, еще в XVIII веке. Собственно, как раз на Станиславе, не оставившем сыновей. А мой дед происходит из какой-то очень побочной линии, не имеющей права на титул. Более того, Америка, как вы знаете, не признает дворянских титулов, так что мать моего деда, тогда несовершеннолетнего, при вступлении в гражданство дополнительно отреклась от всех титулов за себя и за него. Но мой дед всю жизнь считал себя польским аристократом и завещал своим потомкам хранить нашу княжескую фамилию. Не то чтобы это для меня так много значило, я его даже не помню, он умер, когда мне было три года... но... - Элайза с виноватой улыбкой пожала плечами.

- Тогда вы понимаете, почему я не собираюсь менять имя только ради того, чтобы меня не путали с каким-то актером и не отпускали шуточек по этому поводу. Между прочим, мой род тоже достаточно старинный. Мои предки были офицерами еще во время Гражданской войны, причем с обеих сторон. Прапрапрадед по отцовской линии воевал за Конфедерацию, а прапрадед по материнской - за Союз. Могли поубивать друг друга, но, как видите, не сложилось. Две эти линии сошлись гораздо позже... Все последние поколения Кейджей были офицерами. Но после того, как мой отец погиб в Ираке, еще в первую войну - а мой дед до того погиб во Вьетнаме - мать взяла с меня слово, что я не пойду в армию. Слово я сдержал. Поэтому пошел в полицию.

В общем, любовь к оружию и всему, что с этим связано, оказалась у Николаса наследственной. Разумеется, он был членом и активистом Национальной стрелковой ассоциации, и его познания в этой сфере простирались далеко за пределы обычной программы полицейской академии. Кажется, не было такого ствола, короткого или длинного, серийно производившегося на планете Земля в последнюю пару столетий (а иногда и ранее), о котором он не имел бы представления. В тот вечер - вечер их первой встречи - они все же обсудили ее графический роман, просидев над ним почти до закрытия ресторана (не потому, что у Кейджа было много замечаний - предварительные консультации e-мэйлом не прошли даром - а потому, что он хотел с полицейской скрупулезностью проверить все детали). Затем они вышли в ночь и остановились в свете неоновой вывески, прежде чем направиться каждый к своему автомобилю.

"Интересно, что он скажет сейчас", - подумала Элайза, намеренно отдавая ему инициативу. Она была готова и к формальному "Ну, спасибо за угощение и до свиданья", и к фамильярному "может, поедem ко мне домой?" (или даже "к тебе", если ранее упомянутый сын означал также и жену). Любой из этих вариантов ее бы разочаровал.

- Кстати, а у вас есть оружие? - спросил Кейдж.

Элайза призналась, что купила пистолет три года назад, после того, как на соседней улице ограбили дом (что случилось и в их тихом пригороде), но ни разу из него не стреляла. Кейдж тут же воодушевился и пригласил ее на стрельбище за городом (где в ближайшее воскресенье как раз соберется их "стрелковый клуб" - члены местного отделения NRA), пообещав пройти с ней полный курс обращения с оружием, включая не только стрельбу, но также обязательную после этого (Элайза не знала, что обязательную) разборку, чистку и смазку. Элайза не любила никакие клубы, объединения и вообще скопления людей, однако согласилась. В конце концов, эти знания могли пригодиться ей и для работы, и для самообороны, не так ли?

Так они стали встречаться. Своеобразные свидания, на которых речь шла главным образом об оружии, тактике специальных подразделений и тому подобных вещах. У Элайзы даже обнаружился талант к стрельбе, заслуживший ей уважение членов клуба. В конце концов, при всем несходстве этих занятий, и стрелку, и художнику требуется твердая рука и верный глаз.

Конечно, оружейно-полицейскими темами их общение не исчерпывалось. Николас рассказывал и о себе. Уже на второй их встрече Элайза узнала, что жены у него не было - развелся много лет назад, и сын, как водится, остался с матерью. Это был типичный глупый, основанный исключительно на сексуальном влечении брак (Николасу было 22, его жене едва

исполнилось 18), ошибочность которого довольно быстро стала ясна обеим сторонам, но которого Николас, унаследовавший от своего рано погибшего отца-офицера (когого он боготворил) почти маниакальные представления о чести и долге, упорно держался, полагая, что раз взятые на себя обязательства не подлежат отмене. Его супруга, естественно, не страдала подобной щепетильностью, и в конце концов, придя домой в неурочное время, он застал ее с любовником. Эта измена возмутила его настолько сильно, что, даже рассказывая о ней Элайзе много лет спустя, он не мог скрыть своего негодования. Хотя, по мнению Элайзы, едва ли стоило говорить об измене, когда любви уже не осталось ни с одной из сторон, и они обе это знали. "Но как ты не понимаешь! - кипятился обычно сдержанный Николас. - Она нарушила свой долг! Никакие чувства не могут служить этому оправданием!" Неприязнь к бывшей жене, по всей видимости, отчасти распространилась и на их общего сына, с которым Николас виделся редко (хотя сам он объяснял это лишь нехваткой времени). Тем не менее, во время одной из таких встреч он и увидел у мальчика тот самый комикс (вообще-то имевший рейтинг R, но какого 14-летнего подростка это останавливает?), который в итоге изменил и его жизнь, и жизнь Элайзы.

Разумеется, настал момент, когда Кейдж попытался затащить ее в постель. Хотя, возможно, "затащить" - не вполне точное слово; он не был столь нахрапист, как когда-то ее одноклассники, и она, в свою очередь, отказала ему вежливо, чувствуя в то же время сожаление - не потому, что предпочла бы согласиться, а потому, что до этого вообще дошло. Он молчал минут пять, и Элайза думала, следует ли ей распрощаться (быть может, навсегда, чего ей все же не хотелось) или, как ни в чем не бывало, завести разговор на нейтральную тему (что представлялось ей фальшивым) - а затем он вдруг сделал ей предложение. Элайза ответила, что ей надо подумать.

Думала она два дня. С одной стороны, она не была в него влюблена, это точно (и уж тем более не хотела секса, ни с ним и ни с кем другим). И одиночество никогда ее не пугало и не тяготило. С другой... ей уже почти тридцать, и надо уже что-то решать со своим будущим - в этом вопросе. Она не была уверена, что хочет оставаться одной и впредь... одной на всю жизнь. Их отношения нельзя было назвать особо романтическими - Элайза и не искала романтики - однако она успела привыкнуть к нему. Он не только консультировал ее по поводу тонкостей полицейской работы и учил обращаться с оружием (порывался учить и рукопашному бою, но эту идею Элайза решительно отвергла - "Во мне сто десять фунтов вместе с одеждой, любой злодей просто поднимет меня за шиворот и будет держать, пока я не устану махать руками и ногами!") Он помогал и решать разные бытовые проблемы (и даже юридические, когда однажды потребовалось поставить на место нахала, без разрешения использовавшего ее работы - если бы речь шла о комиксах, этим занялись бы юристы издательства, но в том-то и дело, что это были рисунки из ее портфолио, размещенного в интернете под ее собственным именем). В конце концов, довольно неплохо иметь своего собственного полицейского, у которого к тому же куча знакомых по службе и через ту же стрелковую ассоциацию (в то время как для Элайзы заводить новые знакомства с людьми и обращаться к ним с просьбами всегда было мукой). Вообще он был чертовски надежный, это было едва ли не главной его чертой, главнее даже любви к оружию. И Элайза уже привыкла полагаться на эту надежность. К тому же, будучи поставленной перед выбором, она предпочитала то решение, последствия которого легче исправить. А развестись с имеющимся мужем проще, чем найти отсутствующего, не так ли?

Во всяком случае, так она думала тогда. И ответила согласием.

Конечно, не все в ее новом статусе ей понравилось. Пришлось, в частности, переехать из ее тихого зеленого пригорода, где во двор забредали сурки, а порою даже олени, в мегаполис, на серую пыльную улицу, где под окном круглые сутки шумели машины (но зато эта квартира находилась всего в пяти минутах езды от места службы Николаса). Что касается секса, то Элайза сочла, что согласна *это* терпеть, раз уж Николасу оно так нужно. Впрочем, он не слишком догадывался по этой части, ибо нередко приходил с работы таким уставшим, что ему было не до

этого. Свою непроницаемую ни для кого по эту сторону Атлантики фамилию Элайза сохранила, несмотря на великий соблазн поменять ее на простую "Кейдж", и муж отнесся к этому с пониманием.

Они прожили вместе восемь лет, и не сказать чтобы это были плохие годы. Элайза продолжала рисовать комиксы про Джастина Хаммера (приобретшего теперь, возможно, и неосознанно для нее самой, некие знакомые черты), все еще приносившие неплохой доход. Николас получил повышение, мог получить еще одно, но отказался от предложенной ему кабинетной должности, желая по-прежнему - несмотря на свой пятый десяток - лично участвовать в полицейских операциях. Несколько раз ему доводилось участвовать в перестрелках с вооруженными преступниками, и дважды он сам становился фигурантом расследования о "необоснованном применении оружия", но и те, и другие случаи заканчивались для него благополучно. Детей у них с Элайзой не было, по полному взаимному согласию. Элайза просто не могла представить себя с пузом, да и вообще в принципе не понимала, зачем это нужно. Для того, чтобы создавать новых людей, ей достаточно было карандаша и листа бумаги. Как она выражалась, "деторождение - это эрзац творчества для людей, лишенных таланта". Николас тоже к этому не стремился, понимая, что не сможет быть хорошим отцом, уделяющим достаточно внимания своему отпрыску и способным, соответственно, воспитать такового, как должно. Его сын от первого брака был тому наглядным свидетельством (мальчик к этому времени уже вырос, выучился на бизнес-администратора - никаких военных или полицейских академий - но работы по специальности так и не нашел, а может, и не искал, и вместе с компанией таких же друзей-оболтусов вел полубогемную жизнь где-то в Южной Калифорнии, работая диджеем в каких-то сомнительных клубах).

Большинство своих выходных Николас по-прежнему проводил вместе с членами стрелкового клуба. Элайза, под его влиянием тоже ставшая членом NRA, поначалу участвовала во всех этих мероприятиях из интереса, потом - из чувства долга, а под конец все чаще стала отказываться от очередной поездки на стрельбище или на военную игру. Николас пожимал плечами и уезжал один, явно не особенно удрученный. Оружие оставалось его главной страстью, и Элайза ни на минуту не сомневалась, что дело именно в этом, а вовсе не в том, что у него появился кто-то на стороне. Подозревать Ника в измене - с его-то фанатичными представлениями о долге и чести - было попросту смешно.

И все же настал день, когда, подпирая кулаком сонную голову и глядя на мужа сосредоточенно жующего бекон, один запах которого был ей неприятен (сама она предпочитала на завтрак легкие овощные салатики), Элайза подумала: "Я не понимаю, что я до сих пор делаю с этим человеком."

На самом деле ей давно уже начали надоедать они оба, Джастин Хаммер и Николас Кейдж, два крутых копа - и то, что с годами между ними становилось все больше общего, лишь усиливало эффект. Хаммер, кстати, начал приедаться уже не только ей самой, но и публике. Последние продажи были еще не провальными, но ясно демонстрировали тренд на спад. И это, в общем, закономерно, нельзя же столько лет доить одну и ту же тему... Хотя есть долгоживущие супергерои типа Супермена и Бэтмена. Но Хаммер никогда не был раскручен до такого уровня. Пожалуй, сейчас самое подходящее время, чтобы освободиться от него. Ведь, на самом деле, она хотела этого уже давно. Он приносил ей хорошие деньги, но забирал слишком много времени и сил, отвлекая от того, что она всегда считала настоящим искусством и своим истинным предназначением. А теперь, глядишь, через два-три выпуска издательство само решит свернуть серию. И сейчас самое время совершить свой каминг-аут, пока Хаммер еще популярен. Раскрыть, кто на самом деле был Алексом Стронгармом - чего за пределами издательства по-прежнему не знала ни одна живая душа, кроме Кейджа - и попытаться конвертировать его славу (в том числе и скандальную, связанную с этим разоблачением) в интерес к работам Элайзы Лещинской, до сих пор набиравшим сотню-другую "лайков" в соцсетях и не более чем. В конце

концов, даже если это и не откроет ей дорогу к коммерческому успеху уже под настоящим именем, она уже заработала достаточно, чтобы жить на эти деньги.

А Николас... да, он надежный, он верный, он честный. Но что, в конечном счете, связывает ее с ним - кроме разве что привычки? Его же ничего не интересует, кроме оружия и военно-полицейской тематики. Да, на какое-то время ему удалось заинтересовать этой темой и ее - особенно когда у нее, "комнатной девочки", прежде робевшей даже перед необходимостью лишний раз позвонить лендлорду с просьбой починить кондиционер, вдруг стало получаться стрелять в цель не хуже бравых спецназовцев, и эти самые спецназовцы отпускали ей заслуженные комплименты. Но это увлечение давно прошло. А Николас, в свою очередь, совершенно равнодушен к искусству и способен оценить ее рисунки лишь с точки зрения точности технических деталей. Даже в политических вопросах у них не было единства - он был убежденным республиканцем, она была зарегистрирована, как независимая, но вообще политикой интересовалась мало и выборы, в особенности федеральные, чаще всего игнорировала (за что Николас ее регулярно ругал). По сути, они просто чужие люди, почему-то до сих пор живущие под одной кровлей. Когда-то она привлекла его, как женщина, а ей, в свою очередь, захотелось опереться на пресловутое мужское плечо. Но это было ошибкой. Не стоит выходить замуж за своих инструкторов, тренеров, консультантов или даже психотерапевтов, помогающих избавиться от комплексов (за последних, кстати - в особенности нет). Их следует благодарить за хорошо сделанную работу и заплатить по прейскуранту, не более чем.

Что ж, эту давнюю ошибку все еще не поздно исправить. Расстаться одновременно с обоими - Хаммером и Кейджем - и начать новую жизнь.

Николас доел свой завтрак, чмокнул ее в щеку жирными губами (чего она не любила, и почему, скажите на милость, она должна продолжать это терпеть?) и убежал на службу бодрым аллюром "жаворонка", для которого выражение "доброе утро" не звучит оксюмороном. Вот даже в этом они различаются. Само по себе это, конечно, мелочь, но в сочетании со всем прочим...

Элайза подошла к раковине, вымыла щеку и тщательно вытерла лицо.

Затем вернулась в спальню, но вместо того, чтобы, как обычно, плюхнуться досыпать, уселась на край кровати и принялась размышлять.

Просто подать на развод было плохой идеей. Ник устроит страшный скандал - к коим он обычно не склонен, но вот тут скандал будет, можно не сомневаться. Дело не в том, что он до сих пор так уж ее любит и не может без нее жить - то, сколько времени он проводил с ней и сколько - со своими единомышленниками по стрелковому клубу, вполне наглядно свидетельствовало о его приоритетах. Но с его точки зрения, решив оставить его, она нарушила бы свой Долг - а вот к этому он абсолютно нетерпим. Хотя сейчас не XIX век, и разводы являются абсолютной нормой - в конце концов, распадаются более 70% браков. Но попробуйте объяснить это Николасу Кейджу. Не тому, который актер.

Тем паче что один раз он через это уже проходил. И все, что он думает после этого о первой жене, Элайза знала в подробностях. Конечно, там была другая ситуация - обман, интрижка втайне от него, а у нее нет никакого любовника, и она объявит о своем намерении открыто - но все равно, Николас воспримет это, как предательство. Как удар в спину от человека, которому он полностью доверял.

И, рассуждая по справедливости, он такого удара не заслужил. Он не является ей по-настоящему близким человеком, это факт, который она слишком долго пыталась игнорировать, но он неплохой человек. Со своими закидонами, конечно (а кто без них?) - но у нее не было поводов желать ему зла. Ей не хотелось, чтобы он снова почувствовал себя преданным и брошенным.

Кроме того... помимо благородных соображений, существовал и материальный аспект. В традиционной семье, где основным (а то и единственным) добытчиком является муж, раздел "совместно нажитого имущества" оказывается отнюдь не в его интересах. Но в их случае все

наоборот. Нарисованный Хаммер принес в дом куда больше денег, чем его реальный коллега Кейдж. И если оскорбленный Ник наймет хорошего адвоката - а он, скорее всего, так и сделает, и его полицейские связи ему помогут - развод обернется для нее большими потерями. Особенно нежелательными с учетом ее намерений покончить с Хаммером и, возможно, остаться без постоянного источника доходов.

Вывод из всех этих посылок напрашивался один. Она не должна уходить от Кейджа. Вместо этого Кейдж должен уйти от нее.

Уйти к другой женщине.

С одной стороны - такой развод, выражаясь пошлыми штампами, не разобьет его сердце, и, если эта женщина окажется для него более подходящей, чем Элайза, в результате выиграют все заинтересованные стороны. С другой - Николас, конечно, будет чувствовать себя виноватым и не станет предъявлять ей имущественных претензий. Что опять-таки справедливо - ведь основной вклад в семейный бюджет вносила она.

Но организовать такую операцию будет не так-то просто. Мало найти подходящую кандидатуру, мало организовать их встречу. Эти его представления о долге... Ник ни за что не станет заводить интрижку на стороне. Во всяком случае - отдавая себе отчет в происходящем. Нужно подводить его к этой теме исподволь, медленно и аккуратно. Не сводить их тайно, а, напротив, явно поощрять их общение, чтобы на каждом этапе он не думал, что делает нечто, что не одобрила бы его жена, пока не станет слишком поздно... и в то же время - не слишком явно, чтобы он, со своей полицейской интуицией, не заподозрил, что ему подсовывают утешительный приз. Задача, да. С людьми, нарисованными на бумаге, все-таки все гораздо проще.

Ладно, для начала надо определиться с кандидатурой. Первым делом на ум Элайзе пришла Рэйчел из стрелкового клуба. Вот она точно стала бы для Николаса идеальной спутницей. Она была так же помешана на оружии, прошла профессиональную снайперскую подготовку и даже, по слухам (на которые неизменно отвечала лишь вежливой улыбкой), выполняла в прошлом некие специальные задания по другую сторону Атлантики. Она и внешне относилась к тому типу, который нравился Николасу - длинноногая стройная блондинка с узким и длинным лицом, большими синими глазами и пышными волосами (как и сама Элайза, но Рэйчел, хотя и будучи на четыре года старше, отличалась более спортивным телом). Проблема, однако, состояла в том, что Рэйчел была супругой Карла, председателя их клуба, и, судя по всему, оставалась вполне довольна своим браком. А Николас, в силу все тех же своих принципов, ни за что не посягнул бы на чужую женщину. Да и потом, эти двое были знакомы уже столько лет, и раз между ними до сих пор ничего не завязалось, шансов на это не было никаких.

Последнее соображение, кстати, было применимо и к другим женщинам из клуба (немногочисленным, ибо большинство любителей пострелять составляли все же мужчины). Причем большинство из них также были женами или подругами членов клуба; исключение составляли лишь три, две из которых, насколько могла понять Элайза, интересовались больше друг другом, чем мужчинами, а третья, упитанная круглолицая коротышка Сьюзан, никак не соответствовала вкусам Кейджа.

Стрелковый клуб, таким образом, отпадал. Можно было, конечно, поискать любительниц оружия на тематических форумах, но Николаса вряд ли удастся завлечь знакомством через интернет. Даже несмотря на то, что с Элайзой он познакомился именно так - но тогда он не был женат и мог позволить себе некие романтические чаяния. Нет, сейчас ему надо предъявить товар лицом...

В конце концов Элайза решила поискать поближе к дому. Она записалась на фитнес - что, кстати, Ник ей неоднократно советовал и всякий раз получал решительный отказ. У нее не было ни унции лишнего жира - природа, похоже, одарила ее метаболизмом, в принципе не позволяющим толстеть - а идея качать мышцы на тренажерах всегда вызывала у нее отвращение.

Но вот теперь она сообщила Николасу, что решила-таки внять его советам. Само собой, он ничего не заподозрил, а лишь похвалил ее с самодовольным видом - ну наконец жена последовала его мудрым наставлениям. Ох уж эти простодушные мужчины...

Идея оказалась удачной. На первом же занятии Элайза познакомилась именно с такой особой, которую искала.

Ее звали Клэр. Она была почти на восемь лет моложе Элайзы, то есть находилась в том самом возрасте, в котором та познакомилась с Кейджем, и имела все тот же любимый им тип внешности - разве что глаза были серые, а не синие, и лицо более овальное, а не заостренное книзу, но это, по мнению Элайзы, не было непреодолимым препятствием (как и несколько лишних фунтов на талии, сгонять которые Клэр, очевидно, и пришла в гимнастический зал). Выражение этого лица тоже было не столь интеллектуальным, как у Элайзы - что вполне подтвердило дальнейшее общение - хотя Клэр нельзя было назвать и полной дурой. Вполне заурядная в плане ума и образования, но в то же время отнюдь не лишенная той практической женской сметки, которая позволяет таким вот простушкам заарканивать куда более умных мужчин - так и остающихся в результате в святой уверенности, что это именно они снизошли в своем блеске до наивной куколки, смотрящей им в рот. Вероятно, для Кейджа это будет приятный контраст. После Элайзы, которая всегда себе на уме и на которую где сядешь, там и слезешь, он наконец-то получит послушную глину, из которой можно вылепить идеальную жену под свой вкус. Ну, по крайней мере, так это будет выглядеть с его точки зрения - но ведь только таковая и имеет для него значение...

Матримониальный статус Клэр также прекрасно отвечал планам Элайзы. Ее новая знакомая недавно развелась (муж бросил ее ради любовницы, хотя Клэр готова была "все простить"), очень переживала по этому поводу (собственно, попытка заедать депрессию и привела ее к потере формы), но не впала в то же время в мужененавистничество, как некоторые в подобной ситуации, а, напротив, сильно беспокоилась, что в свои тридцать останется теперь одна (что, видимо, стало не последней причиной, погнавшей ее на фитнес). Временные отношения без обязательств ее определенно не устраивали, она мечтала о надежном и солидном мужчине, который не подведет ее так, как предыдущий. В общем, это было именно то, что надо.

Само собой, Элайза принялась как бы между прочим рассказывать новой подруге о своем муже именно в том ключе, который не мог не привлечь ее внимания. Причем ей даже не пришлось ничего особенно преувеличивать. Не понадобилось много времени, чтобы заметить, что Клэр выслушивает эти рассказы с завистью. Николас, очевидно, полностью соответствовал ее идеалу. И даже то, что он был на 16 лет старше ее, в глазах Клэр шло ему только в плюс, добавляя очков в графы "солидность" и "надежность". Уж такой-то не погонится за первой же грудастой вертихвосткой!

Элайза тем временем развивала наступление, с неохотой рассказывая подруге о конфликтах в семье. Здесь она тоже старалась держаться фактов - в конце концов, в будущем эта тема может всплыть в разговорах между Клэр и Николасом - но старалась преподнести все ссоры, случавшиеся за восемь лет супружества, так, словно они участились и стали происходить в основном в последнее время. Лейтмотивом всего этого была не высказываемая явно мысль "муж меня не ценит, не понимает, его винтовки и пистолеты важнее для него, чем я". В глазах Клэр в ответ читалось: "Вот же дура, не понимающая своего счастья! Да я бы за такого мужчину... и на стрельбище с ним, и куда угодно..."

Затем Элайза их познакомила. Что может быть проще и естественней, чем пригласить домой свою подругу и познакомить ее с мужем? Правда, Элайза никогда не делала так прежде. Просто потому, что у нее не было подруг, тем более таких, и она не чувствовала потребности ими обзаводиться. Но Николас, разумеется, ничего не заподозрил и был лишь доволен, что его нелюдимая жена, давно уже переставшая посещать мероприятия стрелкового клуба, наконец нашла себе кого-то для общения вне интернета. Сам он, кстати, не раз приводил домой друзей

со службы или единомышленников, желавших полюбоваться его коллекцией оружия, и без каких-либо ревнивых опасений знакомил их со своей все еще красивой женой (Элайза держалась с гостями вежливо, но не любила подобные визиты, считая их вторжением в свое личное пространство). На Клэр он взглянул с дружелюбным интересом и не более чем. Но Элайза на иное и не рассчитывала. Процесс должен развиваться без излишней спешки, как в старой притче о лягушке, которая выпрыгнет, если ее бросить в кипяток, но если воду нагревать медленно и постепенно, сама не заметит, как сварится...

В том, что наживку уже заглотила сама Клэр, Элайза не сомневалась. После нескольких семейных ужинов втроем настала пора обеспечить им - опять-таки с полного согласия и даже по инициативе Элайзы - повод для общения наедине. Таковой легко отыскался - у Клэр сломалась ее старая машина, и в сервисе ей сказали, что ремонт с учетом заказа деталей займет не меньше недели, а лучше, вообще-то, за те же деньги купить новую - то есть тоже подержанную, но в лучшем состоянии. Чего, кстати, Клэр никогда в своей жизни еще не делала, полагаясь в технических вопросах сперва на отца, потом на мужа, и небезосновательно боялась, что ей впячат какую-нибудь рухлядь. Но дело было даже не в этом, а в том, что, пока она не решит проблему с колесами, ей предстояло ходить с фитнеса пешком до автобусной остановки и ждать потом автобуса. В темноте, учитывая надвигающуюся зиму. В районе, который хоть и не представлял собой гетто, но уютным по вечерам тоже не выглядел. Понятно, что это заставляло Клэр нервничать, и она спросила Элайзу, не может ли та подвозить ее хотя бы до остановки (надеясь, вероятно, что та предложит подвозить и до дома, что означало для Элайзы крюк в несколько миль, но не более чем). Но Элайза предложила другое. Есть ли у Клэр оружие? Да, где-то валяется газовый баллончик... Да нет, *настоящее* оружие! Нету? Никогда в жизни даже не держала в руках? Тогда Элайза попросит Николаса подобрать для нее хороший пистолет или револьвер. И научить с ним обращаться. Ой, а это удобно? Конечно, Николас же обожает пушки. Его хлебом не корми, дай обратить еще кого-нибудь в свою оружейную веру.

И, разумеется, буквально через полчаса дома у Элайзы все трое обо всем договорились. У Ника не могло возникнуть и тени сомнения, что он делает что-то, не соответствующее его представлениям о долге. Он всего лишь выполняет просьбу своей же жены, не так ли? Клэр рассыпалась в благодарностях. Пистолет, конечно, придаст ей уверенности. Особенно если ее научит пользоваться им такой профессионал. Раньше она много раз слышала мнение сторонников "контроля за оружием", что простой человек все равно не сумеет воспользоваться пушкой, потому что преступник опытнее и наглее, но ведь это не так? О, не слушайте бредни этих демагогов, Клэр. В моей практике был случай, когда десятилетний мальчик, оставшийся один дома, застрелил вооруженного грабителя. Но, по правде говоря, действительно бывают ситуации, когда не можешь или не успеваешь воспользоваться оружием. По-хорошему, нужно владеть и приемами рукопашного боя. Я много раз говорил об этом Эли, но она... О, да-да! Несколько лет назад я даже записывалась на курсы самообороны, но мне не понравился тренер, и я бросила. А вы не могли бы, Ник - могу я называть вас "Ник"? - поучить меня еще и этому? Конечно, если у вас будет время... хотя, наверное, я слишком много прошу, забудьте... В самом деле, Николас, - это уже подключалась Элайза, не давая ему времени возразить, - по-моему, это отличная идея. Клэр станет для тебя идеальной жертвой, ха-ха. Пытай ее на своем татами вместо меня. Ну, раз уж вы обе просите...

Yessss! - в глазах Клэр, устремленных на Кейджа, и тут же мгновенный жалостливый взгляд искоса на Элайзу: какая же ты дура. Yessss! - в глазах Элайзы, но столь мимолетно, что Клэр не могла это заметить. Пока что ничего особенного в глазах Николаса. Для него это всего лишь поручение, которое он согласился выполнить. Но то, что он согласился тратить на Клэр свое время, уже показательно. А дальше...

А дальше все по накатанной схеме. Учитель и ученица. Занятия, подразумевающие постоянный физический контакт. Дома - холодная эгоистка жена, равнодушная к увлечениям

мужа, не пытающаяся даже делать вид, что ей интересно то же, что и ему (Элайза в эти недели старалась держаться особенно сухо, для чего, впрочем, ей не требовалось больших усилий) - и рядом бескорыстная всепонимающая утешительница, готовая смотреть ему в рот... Еще и существенно моложе, кстати. Хотя, по мнению Элайзы, и не красивее, чем та сейчас, и уж тем паче - чем Элайза в том же возрасте. Но все-таки женское тело к сорока годам уже не то, что в тридцать. И кожа, и то, что под ней. Клэр, кстати, как-то спросила ее, каков Ник в постели. Элайза пожала плечами: "Не знаю, мы этим давно не занимались. Да и вообще, честно говоря, мне это не особо интересно." Клэр перевела разговор на другую тему, но ей, очевидно, это *было* интересно. Очень даже было.

Вскоре Элайза забросила фитнес. Сам по себе он был ей не нужен, она по-прежнему ненавидела эти чертовы тренажеры. А чем реже Клэр будет с ней видеться, тем, глядишь, с большей легкостью будет двигаться к своей цели. То есть, на самом деле, к их общей цели. Хотя вообще-то Элайза не думала, что Клэр испытывает хоть какие-то угрызения совести. Кто там сказал, что в любви и на войне нет никаких правил? Николас бы возмутился, а вот такие, как Клэр, подпишутся под этим всеми конечностями.

Иногда Элайза думала, что все можно было устроить проще. Просто взять и объявить Клэр: "Нравится Ник? Забирай. Только не говори ему, что я сама его отдала, дабы не ущемить его мужское самолюбие." Но... кто поручится, что она и в самом деле не расскажет во время какой-нибудь ссоры? То, что легко досталось, не ценится. А Элайзе все же хотелось, чтобы Николаса ценили. Она не любила его, но по-прежнему уважала.

Однажды вечером она сидела дома одна, целиком поглощенная очередным рисунком (никакого чертова Хаммера - фантастический мир, населенный необыкновенными существами, среди которых не было ни одного человека). Внезапно любезную ей тишину (ну, почти тишину - она уже привыкла не обращать внимания на машины за окном) нарушил трезвон стационарного телефона. Элайза решила, что звонят из издательства (очередную серию про Хаммера пора было все же заканчивать, а она никак не могла заставить себя снова к нему вернуться), и нехотя взяла трубку вместо того, чтобы просто проигнорировать звонок, как делала нередко (в конце концов, для чего люди придумали автоответчики, SMS и электронную почту?)

- Привет, - сказал женский голос в трубке, но не тот, который она ожидала услышать. -

Это Элайза? Могу я поговорить с Николасом?

- Его нет дома. А что вы хотели?

- Это Рэйчел. Не узнала? Стрелковый клуб. Впрочем, ты давно у нас не была...

- Да... мне сейчас как-то не до этого.

- А Николас? У нас сегодня соревнование. Осенний Кубок. А его нет.

"А я думала, он как раз к вам и поехал!" - чуть не вырвалось у Элайзы, но она прикусила язык.

- Позвони ему на мобильный, - сказала она вместо этого.

- Не берет трубку. Голосовая почта. У него все в порядке? Раньше он никогда не пропускал...

- В полном, - ответила Элайза и тут же почувствовала укол тревоги: а что, если с ним и в самом деле что-то случилось с утра, пока он был на службе? Нет, в этом случае ее бы уже известили...

- А ты как? - продолжала допытываться Рэйчел. - Все хорошо?

- Да, - ответила Элайза уже не без раздражения. - Послушай, Рэйчел, я тут немного занята.

- Конечно, - ответила та, но трубку не повесила, а после короткой паузы сказала: - Знаешь, Элайза, возможно, это не мое дело, но - ты знаешь Клэр?

Вот оно что, усмехнулась Элайза про себя.

- Это моя подруга. Николас учит ее стрельбе и рукопашному бою. Я сама его об этом

попросила. А что?

- Ничего... я только это и хотела уточнить. Просто, ну ты знаешь, несколько странно, что он ездил сюда с ней, но без тебя. Впрочем... в последнее время он вообще у нас не появляется. Ни с ней, ни без нее.

Понятно, удовлетворенно подумала Элайза. Отношения дошли до стадии, когда их уже не выставляют напоказ. Во всяком случае - напоказ общим знакомым. И благовидный предлог в виде тренировок, похоже, уже не требуется.

- Если это все, что ты хотела сказать, я, пожалуй, вернусь к работе, - холодно произнесла она в трубку.

- Конечно. Хорошего вечера.

- И тебе.

Элайза вновь погрузилась в свой любимый фантастический мир, и работа так увлекла ее, что она, как это часто с ней бывало, перестала обращать внимание на время. Если бы Ник вернулся, она занялась бы приготовлением ужина, но его не было, и ее ничто не отвлекало; сама она, увлекшись творчеством, обычно и думать забывала о еде. Наконец она закончила рисунок и некоторое время, откинувшись в кресле, удовлетворенно любовалась им - каждой прорисованной деталью мира двух солнц, где в воздухе парят существа с сетчатыми крыльями, похожие на гибрид драконов и стрекоз, на ажурно-тонких деревьях растут полупрозрачные шары со светящимися внутри прожилками, волны молочно-белого моря облизывают черные развалины древнего города исчезнувшей цивилизации, и на голове полузатопленной статуи сидит стройный гуманоид, обнаженный, но бесполой, с огромными глазами и перепончатыми конечностями, обхватив руками чешуйчатые колени и задумчиво глядя вдаль... Никаких крутых копов, бандитов, притонов, наркоманов и проституток. Ей пришло в голову, что развалины, которые она изобразила - это и есть Нью Ланкастер, с которым она намерена покончить навсегда. Хотя, конечно, весь антураж ее рисунка явно не относился к Земле. Но если трактовать метафорически...

Взгляд Элайзы упал на часы. Надо же, уже полночь. Николас никогда не задерживался так поздно, не позвонив и не предупредив. В том числе и с тех пор, как он заделался "инструктором" Клэр. Впрочем, все когда-то бывает в первый раз.

Она встала, пошла на кухню, поставила чайник. Готовить что-либо серьезное не хотелось, так что она взболтала в стеклянной миске блинно-вафельную смесь и залила в вафельницу. Пока вафли пеклись, все же набрала номер мужа. "Привет, вы позвонили Николасу Кейджу..." Ну да, ну да. Он отключил свой мобильник не только для Рэйчел.

Элайза достала из шкафа бутылку с сиропом, вытащила горячие вафли на тарелку и уселась пить чай. После первой чашки, не удержавшись, позвонила Клэр. То же самое - голосовая почта. Ну резвитесь, голубки, не буду больше вас отвлекать...

Неторопливо допив чай, она снова посмотрела на часы. Без четверти час. Само собой, любые стрельбища и спортзалы давным-давно закрыты, и благопристойные рестораны уже тоже. Возможно, они отрываются в каком-нибудь баре или ночном клубе, хотя это непохоже на Николаса - во всяком случае, ее он в такие места не водил, да она бы и сама не пошла. Хотя, возможно, в этом и дело - она бы не пошла, а Клэр пошла, быть может - сама зазвала его туда. Но скорее всего они просто поехали к ней домой.

Внезапно Элайза поняла, что это вызывает у нее раздражение. Совершенно, разумеется, нелогичное - она должна радоваться и торжествовать, что ее психологический расчет сработал, и ее план увенчался успехом. Что может быть глупее, чем возмущаться изменой мужа, которую ты так старательно подстраивала сама? Она же не какая-нибудь ведьма из сказки, которая ставит герою условия не для того, чтобы он их исполнил, а для того, чтобы он устоял перед искушением! Нет, безусловно нет. Она действительно хочет, чтобы Кейдж подал на развод - хочет этого так же сильно, как и в тот день, когда ей впервые пришел в голову этот план. И все

же... если бы ей было с кем заключать пари, она бы поспорила, что финальное объяснение состоится *до*, а не *после*, так сказать, консуммации. Что Николас придет к ней с виноватым видом и скажет о своих чувствах к Клэр, и что эти чувства взаимны, но что между ними ничего еще не было, ибо он знает, что такое Долг и Честь, и достаточно одного слова Элайзы - и он больше никогда не станет видаться с Клэр. И тогда Элайза великодушно объявит, что не хочет мешать его счастью, не держит зла ни на него, ни на Клэр и надеется, что та станет ему лучшей женой, чем была она. Мы же цивилизованные люди, не так ли?

Ну что ж - хорошо, что ей было не с кем заключать пари, которое она бы проиграла. Железные принципы Николаса Кейджа, как выяснилось, вполне поддаются коррозии. В конце концов, это уже неважно. Важен результат.

Впрочем... а что, если дело вовсе не в том, что Николас и Клэр в эту минуту практикуют "приемы самообороны" в постели? Если они, допустим, разбились в аварии где-то на вечерней дороге? Машину Клэр, кстати, купила - Ник помог ей и с этим, сказал, что попросил оценить покупку знакомого автомеханика, которого несколько лет назад спас от тюрьмы, когда тот спутался с угонщиками - но кто знает, вдруг там все же в критический момент вылезла какая-нибудь проблема с тормозами... да и вообще, насколько Клэр хороший водитель, если предположить, что за рулем была она... Или даже разбились не они, а он один, а Клэр не берет трубку просто потому, что уже спит. Но, опять-таки, у Николаса с собой все документы, жене бы уже сообщили, это же Чикаго, а не какая-нибудь глухомань, где машина может свалиться с обрыва и валяться неделю, никем не замеченная. Хотя - а что если они поехали за город?

Но разве это не решает проблему, сказал ехидный внутренний голос. Ты хотела избавиться от него, так или иначе. А так даже лучше, чем развод.

Нет, конечно же нет! - тут же возмутилась Элайза. Я вовсе не хочу ему зла. Пусть он будет счастлив... вместе с Клэр... только где-нибудь подальше от меня.

И кстати, подумалось ей, аварии не обязательно кончаются смертью. Бывают травмы, требующие длительного и чертовски дорогого лечения, которое может не покрываться даже его полицейской страховкой. Или пожизненно оставляющие человека прикованным к постели. Будучи женой полицейского, она всегда знала о подобном риске, но настолько свыклась с ним, что давно перестала об этом задумываться. Но вот теперь, когда она готова уже была пуститься в вольное плавание, эта угроза вновь перестала казаться ей теоретической. Конечно, юридически ничто не помешает ей развестись, даже если он будет на больничной койке. Но как это будет выглядеть? А значит, она останется прикованной к ним обоим - Кейджу и Хаммеру, ибо надо будет оплачивать медицинские счета. Как раз тогда, когда она уже почувствовала вкус свободы... Нет, только не это!

Элайза снова набрала номер. Ну ответь же, сукин ты сын, чем бы ты там ни занимался...

"Привет, вы позвонили Николасу Кейджу..."

- Николас, где ты? Перезвони мне. Я же беспокоюсь!

Затем она отправила SMS с тем же текстом и несколько минут ждала в надежде, что Кейдж не берет трубку, но хотя бы проверяет, кто ему звонит и пишет. Неужели муж, изменяющий своей жене - даже если это происходит впервые в его жизни - не может отправить ей хотя бы текстом какое-нибудь утешительное вранье, из которого, однако, станет ясно, что он жив и здоров? Однако никакой реакции так и не последовало.

Элайза сходила в душ, снова проверила телефон (ничего), потом пошла в спальню. По ее меркам, было еще слишком рано (еще не было трех), спать не хотелось, возвращаться к работе тоже. Некоторое время она бездумно щелкала пультом от телевизора. Потом все-таки легла и попыталась заснуть.

Пыталась она долго и безуспешно. Кажется, мешало ей еще и то, что она боялась увидеть во сне воплощение всех своих страхов. Наконец она вроде бы начала уже отключаться, как вдруг под окном завывала сирена. Элайза испуганно распахнула глаза и увидела сине-красные блики,

метавшиеся по потолку сквозь приоткрытые жалюзи. На миг у нее возникла иррациональная уверенности, что едут сюда, что сейчас раздастся длинный требовательный звонок в дверь... но она тут же сообразила, что это глупость, что даже если бы коллеги Николаса явились среди ночи, чтобы сообщить о случившемся с ним несчастье, они не стали бы ради этого включать сирену с мигалкой. И действительно, звук быстро удалился дальше по улице, и снова настала тишина.

А затем в этой тишине в замке повернулся ключ.

Элайза почувствовала сперва безмерное облегчение, а потом безмерную злость. Она уже словно забыла, что все это - реализация ее же плана. Ну погоди у меня, "надежный, честный и верный", я тебе устрою...

Она услышала крадущиеся шаги. Николас явно надеялся, что она уже спит и ему удастся прошмыгнуть незамеченным, но она не доставила ему такого удовольствия - резко села на кровати и зажгла лампу.

Человек, застывший на пороге, когда вспыхнул свет, имел настолько непривычное выражение лица, что на один безумный миг ей показалось, будто это незнакомец, забравшийся в дом вор, и ее рука даже дернулась к тумбочке за пистолетом - но тут же она поняла, что это все-таки Кейдж. "Верно говорят - как нашкодивший кот", - подумала она с отвращением, глядя на его растерянную физиономию.

Впрочем, она сдержала готовую вырваться гневную реплику, напомнив себе, что ее цель вовсе не в том, чтобы устроить скандал. Напротив - она собирается благородно отпустить его, ведь так? Все идет именно так, как она запланировала. Ну, может быть, чуть лучше.

- Элайза, - хрипло произнес он (это означало тему особой важности - обычно он называл ее просто Эли), - нам... надо поговорить.

- Не сомневаюсь, - холодно ответила она (все же не следует переигрывать ни в одну, ни в другую сторону).

- Я... должен кое в чем признаться тебе. Кое в чем ужасном.

Ну еще бы.

- Это касается Клэр.

Кого же еще.

- Точнее... ее, меня и тебя. Ты знаешь, что я никогда... с тех пор, как мы поженились... никогда не заглядывался на других женщин. И... когда ты познакомила меня с Клэр, у меня и в мыслях не было... тем более, ты сама привела ее к нам домой... хотя это, конечно, не оправдание, но...

Она снисходительно слушала, как он, запинаясь в совершенно нехарактерной для него манере, рассказывает ей все, что она прекрасно знала или могла реконструировать сама. Как Клэр старалась усвоить его уроки - у нее не очень хорошо получалось, но она была очень усердна (ну еще бы, подумала Элайза, ведь иначе благовидный предлог для тесного общения сошел бы на нет слишком быстро!), какой интерес у нее возник к теме оружия (да-да, преданно смотреть в рот и хлопать ресницами!), как отношения учителя и ученицы перерождались в нечто большее, и он сам этого не замечал, пока не понял, что и он...

- Мы еще несколько раз ходили в один частный зал и на другое стрельбище, потому что мне казалось, что в стрелковом клубе кое-кто уже бросает на нас слишком уж понимающие взгляды. Потом я понял, что должен это прекратить. Сказал ей, что не могу ее больше тренировать. Сказал, что нет времени... мне не хотелось откровенных объяснений и сцен... но она пригласила меня в ресторан, якобы в знак благодарности. Я понимал, что там будет объяснение... но я пошел. Пошел только для того, чтобы сказать ей, что между нами ничего не может быть! Я женатый человек, а она твоя подруга, это вдвойне бесчестно... Но там, в ресторане... сегодня, то есть уже вчера... она не говорила ни о чем таком. Мы обсуждали всякие околоружейные темы... политику... она говорила, как ее возмущают противники Второй

поправки, что ее бывший муж был из таких, был активистом в кампании Обамы - в обеих кампаниях - и как она рада, что они расстались... но потом опять перешла на отвлеченные темы... я даже подумал, что, возможно, все себе нафантазировал... то есть, в смысле, с ее стороны...

Ну почему мужчины такие идиоты, подумала Элайза.

- Она сказала, что я должен отвезти ее домой, потому что она пила и не может садиться за руль, - продолжал Николас. - Надо было вызвать ей такси, но я... И вот, когда мы подъехали к ее дому, она... Я начал говорить ей, что это невозможно, что у нас нет на это права, что я не могу любить человека, толкающего меня на подлость, но она... как в пошлых романах, закрыла мне рот поцелуем. И... я не смог не ответить... это было сильнее меня! Это было, как наваждение... я потерял контроль, как семнадцатилетний мальчишка...

Ну да, ну да, подумала Элайза. В конечном счете, управлять тобой оказалось не сильно сложнее, чем Хаммером на бумаге. Она вздохнула и открыла рот, чтобы произнести свою великодушную речь. "Я давно догадывалась об этом, Николас, и я не хочу стоять между тобой и твоим счастьем..."

- Подожди, - он предостерегающе поднял руку, - дай мне закончить... Я понимаю, что ты обо мне думаешь! Но я не забывал о тебе не на минуту! О тебе и моем долге перед тобой! Она... она просто не оставила мне выбора, ты понимаешь?!

- Прекрасно понимаю, - не удержалась от едкой реплики Элайза.

- Я должен был решить эту проблему. И я ее решил. Единственным оставшимся способом. Не волнуйся, Эли. Никто больше не разлучит нас. И ничего не докажет. Ее тело никогда не найдут.